

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКА НАРОДНЫХ ЗАГОВОРОВ

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.04.01 Педагогическое образование,
магистерская программа «Языковое образование»
очной формы обучения, группы 02031710
Саввиной Светланы Викторовны

Научный руководитель
доктор филологических наук,
профессор Чумак-Жунь И.И.

Рецензент
кандидат филологических наук,
преподаватель МБУ ДО «Детская
школа искусств поселка Майский
Белгородского района
Белгородской области»
Стручалина Г.В.

БЕЛГОРОД 2019

Оглавление

	Введение	4
Глава I	Заговор как специфическая лингвокогнитивная единица	10
1.1	Культурный код как базовый элемент языка народного творчества	10
1.2	Языковая специфика заговора как жанра	14
1.3	Понятие ЯКМ. Отражение мифопоэтической и религиозной картин мира в заговоре.	22
1.3.1	Понятие ЯКМ	22
1.3.2	Специфика национальной картины мира. Мифологическая и религиозная картины мира.	24
1.3.3	Мифопоэтическая и религиозная картины мира в текстах народных заговоров	27
Глава II	Заговор как вербальный код культуры	30
2.1	Основные структурные элементы заговора	30
2.1.1	Структура заговора	30
2.1.2	Прагматический аспект языка народных заговоров	33
2.2	Языковая специфика жанровой классификации заговоров	36
2.2.1	Лексико-семантический комментарий языка народных заговоров	36
2.2.2	Грамматический комментарий языка народных заговоров	39
2.3	Ритуал как составляющая культурного кода	44
Глава III	Изучение заговора на уроках русского языка в средней школе	50
3.1	Лексикографическое исследование как обязательный компонент занятия по русскому языку в средней школе	50

3.2 Лексикографическое исследование на уроках русского языка на основе текстов народных заговоров	52
Заключение	57
Литература	60

Введение

Исследование процессов функционирования русского языка в фольклорных текстах раскрывает специфику национальной культуры и менталитета в целом, а также дает представление об отдельном представителе данной культуры – носителе национального сознания.

Наука о фольклористике впервые возникла в 40-х годах XIX века. Особенную роль в судьбе науки сыграла мифологическая школа, представленная за рубежом именами Якоба и Вильгельма Гримм, в первую очередь. Исследователи стремились через изучение языка фольклора древних германцев воссоздать древний немецкий эпос. В этом аспекте написано исследование Якоба Гримма «Немецкая мифология» (1835). В числе последователей братьев-ученых Адальберт Кун, Вильгельм Шварц, Макс Мюллер, Вильгельм Мангардт.

Основой для развития фольклористики как науки в России явились результаты деятельности этнографов, историков, философов, а также опыт зарубежных ученых. Мифологическая школа образовалась на русской почве в 1840-1850-х годах, хотя следует отметить, что интерес к фольклору в целом наблюдался и ранее (еще в 20-30-х гг. при обращении аристократии к вопросам народности). Огромную роль в формировании фольклорной базы сыграли географические общества, проводившие экспедиции и фиксирующие тексты.

Русская мифологическая школа представлена именем Ф.И. Буслаева. Его фундаментальным исследованием в области мифологии признана серия статей под названием «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» (1861). В сравнении с Гримм, Буслаев осознавал важность народного творчества, но не превозносил его относительно классической литературы. Собиратель фольклора А.Н. Афанасьев – последователь

Буслаева. Его статьи получили широкое распространение и были объединены в три тома «Поэтические воззрения славян на природу» (1869). Еще одним из основоположников русской мифологической школы является А.А. Потебня, рассматривающий язык, мышление и народное творчество как единство. Здесь следует отметить его книгу «Язык и народность» (1895). В число отечественных мифологов также входили О.Ф. Миллер, А.А. Котляровский, А.Н. Веселовский, И.А. Худяков, П.Н. Рыбников и др. Для всех перечисленных исследователей важность мифологической концепции заключалась в рассмотрении народного творчества сквозь призму национального сознания и мифологической культуры в целом. Наличие народной поэзии свидетельствовало о бытовании литературы на Руси до появления авторского творчества.

Фольклором всегда интересовались представители разных отраслей знания, что привело к объединению их усилий. Именно поэтому ученые-фольклористы зачастую проводили свои разыскания, используя взаимодействие гуманитарных дисциплин. Имена А.Х. Востокова, А.Н. Веселовского, Ф.И. Буслаева, А.Н. Афанасьева, А.А. Потебни, Н.В. Крушевского, Н.Ф. Познанского, В.Н. Топорова и др. связаны с изучением языка народной поэзии с лингвистической стороны.

Интерес исследователей-лингвистов связан с пониманием ценности представлений, отраженных в фольклоре как национальный дух и национальное сознание. Народное творчество воспроизводит объективную действительность, пропущенную через субъективное сознание человека. Как известно, сознание – система, обладающая открытостью, а значит готовая обрабатывать не только точную, научную информацию, но и образные, эмоциональные способы отражения мира. «Понимание природы и сущности языка в Древнем мире обуславливалось мифологическим восприятием действительности. <...> Мифологическое сознание порождало веру в то, что слово обладает магическими свойствами» [Алефиренко 2013: 19]. На этапе

принятия христианской веры происходит постепенное наслаивание человеческих представлений о мире как магической системе на представления религиозного характера, что, в свою очередь, лучше всего отразилось в фольклоре, а именно в жанре заговора.

Заговоры являются результатом устного народного творчества, поэтому в течение длительного времени не было письменной фиксации текстов. Первоначально устное народное творчество было бессознательной переработкой представлений о явлениях природы и общества, «подпитанных» народной фантазией, и лишь затем приняло характер осознанного художественного освоения действительности. Сборники народных заговоров впервые появляются в России только в XIX веке, хотя исследователи говорят о том, что самое первое упоминание о текстах магического характера встречается еще в летописях X века. Кроме того, в юридических памятниках письменности часто встречаются запреты на колдовские и знахарские обряды, в основе которых тексты древних заговорных формул.

Первая печатная книга с описанием различных видов обрядов и магических заклинаний, которая включала в себя раздел «Русское народное чернокнижие», была издана И.П. Сахаровым в 1836 году и называлась «Сказания русского народа». В 1845-1846 гг. была написана работа В.И. Даля «О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа», а в 1869 году Л.Н. Майков издал сборник «Великорусские заклинания». Этнограф-фольклорист М.М. Забылин публикует книгу «Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия» в 1880 году. Исследование состоит из 4-х частей, информацию о колдовстве и тексты заговоров содержат 2 и 3 части. Работы уже названных ранее лингвистов-фольклористов – Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, А.А. Афанасьева, А.Н. Веселовского – содержат информацию об изучении заговоров.

В начале XX века научный интерес к жанру заговора возник у таких исследователей, как Г.И. Попов – «Русская народно-бытовая медицина», 1903; Н.Н. Виноградов – «Заговоры, обереги, спасительные молитвы и пр.», 1907; Н.Ф. Познанский – «Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул», 1917. Кроме того, изучению жанра посвящено исследование поэта А.А. Блока «Поэзия заговоров и заклинаний» (1906).

В дальнейшем интерес исследователей сосредоточен на особенностях структуры заговорной формулы (А.М. Астахова, З.И. Власова, В.П. Петров, П.Г. Богатырев, В.Н. Топоров, Н.И. Савушкина), системе образов (О.А. Черепанова «Типологическая и лингвистическая интерпретация некоторых элементов заговоров»). Любовные заговоры стали объектом изучения Ю.А. Киселевой и И.О. Чернова, а диалектные особенности текстов заинтересовали Т.Н. Свешникову, С.С. Ожегова и Л. Раденковича. К работам последних лет отнесем исследование А.В. Юдина «Ономастикон русских заговоров» (1997).

Актуальность данного исследования связана с интересом современной лингвистической науки к функционированию языка в фольклорных текстах, а именно в малоизученном жанре – заговоре. Особенно важным является рассмотрение функционирования языка в текстах с точки зрения диахронии, а также в аспекте лингвокультурологии, лингвопрагматики, когнитивистики.

Объектом проводимого исследования является язык народных заговоров, а **предметом** – особенности функционирования языка в заговорных текстах.

Обращение к жанру позволяет выявить специфические языковые черты, раскрывающие содержательную многоплановость народного сознания.

Целью нашего исследования является всестороннее изучение языковых особенностей текстов народных заговоров. Достижение поставленной цели возможно при выполнении следующих **задач**:

- 1) изучить литературу, связанную с данной темой;
- 2) собрать и классифицировать лингвистический материал;
- 3) выявить общую лингвистическую и жанровую специфику заговора;
- 4) рассмотреть в заговорных текстах особенности отражения в народном сознании картин мира;
- 5) исследовать особенности отдельных текстов в соответствии с жанровой классификацией;
- 6) сопоставить тексты, собранные в разные исторические периоды, выделить произошедшие изменения в народном мировоззрении через особенности языка;
- 7) обобщить полученные сведения и сделать выводы о проделанном исследовании.

Работа состоит из 3-х глав:

1. Заговор как специфическая лингвокогнитивная единица.
2. Заговор как вербальный код культуры.
3. Изучение заговора на уроках русского языка.

В первой главе обобщается теоретический материал о коде культуры, исследуются основные образные средства, встречающиеся в изучаемых текстах, а также особенности отражения картин мира в заговорных текстах.

Вторая глава посвящена выделению и анализу в текстах характерных языковых особенностей и образных средств с позиций вербального кода культуры, а также рассмотрению обряда как кода культуры в целом.

Третья глава включает способы применения заговорных текстов на уроках русского языка.

Методы исследования, используемые в работе, – описательный, сравнительно-исторический, сопоставительный и компонентный анализ.

Материалом исследования являются тексты заговоров, представленные в сборнике И.П. Сахарова «Сказания русского народа» и в сборнике Л.Н. Майкова «Великорусские заклинания», а также тексты из

сборника статей и фольклорных материалов «Да на нашей стороншке приволья довольно: Традиционная культура Яковлевского района», бытующие в Белгородском крае.

Глава 1. Заговор как специфическая лингвокогнитивная единица

1.1 Культурный код как базовый элемент языка народного творчества

Русская культура – это бесценная и многогранная кладовая русского народа. Важнейшим источником, формирующим ее наследие, является устное народное творчество. Русский фольклор содержит в себе те представления о мире, которые в течение многих столетий складывались в народном сознании. Таким образом, устное народное творчество отражает коллективный разум и является духовной составляющей русской культуры, а фольклорные жанры, в частности, такой жанр, как народный заговор, представляют собой универсальный код культуры.

Код культуры «может быть определен как «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека» [Красных 2001: 5].

Код культуры – это «семиотическая система, в которой концентрируется набор национальной этнокультурной информации. Она кодируется в форме, способной идентифицировать культуру через совокупность вторичных знаков и символов, наделенных такими смыслами, которые присутствуют в любом элементе культуры и могут проявляться в предметах материальной и духовной деятельности человека на уровне семиотического пространства» [Савченко 2013: 88].

Культурный код фиксирует знания и представления человечества об окружающей действительности, сохраняя сведения о различных эпохах. В широком значении культурный код может пониматься как способ передачи

информации о мире. Само понятие кода зародилось в недрах точных математических наук для обозначения зашифрованных данных в виде каких-либо символов. На сегодняшний день понятие актуализировалось в лингвистике и культурологии в связи с переходом от сигналов к смыслам, научным интересом к дешифровке культурных текстов. Необходимо отметить, что существует большое количество трактовок самого понятия культуры и, соответственно, не один способ «зашифровки» культуры – сюда входит наследие всех отраслей человеческого знания, включая, например, живопись, музыку, скульптуру как в индивидуально-авторском воплощении, так и в памятниках народного творчества. Фольклор, как наиболее древняя форма образного мышления, содержит культурные пласты, которые со временем углублялись и дополняли друг друга. Наш научный интерес сосредоточен на лингвокультурной составляющей народного творчества, более всего сохранившей ментальный дух русского человека и представленной в текстах народных заговоров.

«Комплексное изучение человека и его этнической культуры, в состав которой входят традиционные ритуалы, невозможно без всестороннего осмысления культурных кодов» [Любимова, Баянова 2013: 105].

Узкое понимание *кода культуры* подразумевает конкретный культурный компонент, который может быть представлен, например, каким-либо видом ремесла, постройкой, картиной, скульптурой, наукой и фольклорными текстами в том числе.

Так, *кодом культуры* является все то, что было придумано или создано человеком в течение всей эпохи его существования. Язык – это орудие человеческого мышления, именно поэтому наше исследование невозможно без рассмотрения текстов народных заговоров вне понимания их смысла как сложной зашифрованной информации, несущей объемный спектр знаний и отражающей глубинные ментальные установки народа. Связь между

культурой и языком осуществляется при помощи сознания, которое отбирает для кодирования наиболее важную этнокультурную информацию.

«Код в лингвосомиотике культуры – это система означивания, т.е. сформированная стереотипами этнокультурного сознания конфигуративная совокупность знаков и механизмов их проявления с целью осуществления двух взаимосвязанных процессов: а) образования и структурирования довербальных смыслов и б) их вербализации в ходе обработки, преобразования, хранения и передачи внегенетической информации в рамках определенной коммуникативно-прагматической парадигмы. Этноязыковое кодирование культурно-исторического опыта в значении языкового знака связано с двумя ипостасями речемыслительной деятельности: когнитивной и дискурсивной» [Алефиренко 2002: 62].

На сегодняшний день исследователи не пришли к единому мнению в отношении к типологии *культурных кодов*. Одним из основных препятствий этому послужило большое разнообразие областей культуры, поскольку частные компоненты зачастую обладают универсальными свойствами, которые невозможно объединить лишь в одну группу.

Однако, несмотря на широкое разнообразие культурных кодов, их все же группируют по некоторым параметрам. О.А. Дормидонтова говорит о том, что существует «три главных принципа, в соответствии с которыми в любой национальной культуре выделяются коды:

- самодостаточность для производства, трансляции и сохранения человеческой культуры;
- открытость к изменениям;
- универсальность» [Дормидонтова 2009: 202].

В современной лингвистической науке выделяется ряд *кодов культуры*: *«анатомический (телесный), природный, зооморфный, растительный, соматический, перцептивный, предметный (вещный, артефактный), гастрономический, антропоморфный, акциональный,*

метеорологический, цветовой, химический, временной, пространственный, духовный, теоморфный (божественный), игровой, математический, медицинский, музыкальный, этнографический» и др. [Дормидонтова 2009: 202]. Все перечисленное далеко не полный список возможной типологии. Более того, как отмечалось ранее, отдельные компоненты культуры несут множество особенностей, а потому внутри каждого из них могут выделяться сразу несколько кодов культуры. Например, древний памятник письменности – летопись – как код культуры шифрует одновременно пространственную, временную, духовную, теоморфную, этнографическую, вербальную составляющие.

Для разных национальных культур характерно повторение некоторых кодов. В.В. Красных считает, что коды культуры соотносятся с древними архетипическими представлениями человека и свойственны ему как биологическому существу [Красных 2001: 8]. *Базовыми кодами* культуры считаются соматический, предметный, временной, пространственный, биоморфный и духовный. Благодаря такому качеству как универсальность в разных культурах коды категоризируют окружающую действительность в соответствии с ментальными установками данной национальности. Р.М. Фрумкина обращает внимание на особенную роль языка в этом процессе, говоря, что «...любой язык адекватно обслуживает свою культуру, предоставляя в распоряжение говорящих средства для выражения культурно значимых понятий и отношений» [Фрумкина 2001: 87].

Обращаясь в нашем исследовании к фольклору, а именно текстам народных заговоров, наиболее подходящей классификацией культурных кодов является классификация Н.И. Толстого [Толстой 1995: 23]. В качестве примера ученый рассматривает обряд как код культуры, выделяя в нем три формы кодировки: вербальную (словесную), реальную (предметную – предметы, вещи) и акциональную (действенную). На наш взгляд, именно

обрядовая типология может удовлетворить общему рассмотрению заговора в его реализации как магического ритуала.

Таким образом, под *кодом культуры* может подразумеваться как область знания, так и конкретный компонент этого знания; как направление культуры, так и частный элемент или предмет этого направления. Несомненно, важную роль в формировании культурного кода играет язык, являющийся основным орудием зашифровки информации. Наиболее полно такая информация отражена в произведениях народного творчества, в частности, в текстах народных заговоров.

1.2 Языковая специфика заговора как жанра

Фольклорный текст – результат массового творчества. В сравнении с произведениями литературы, в которых автор известен, фольклорные произведения анонимны, поскольку их создатель – народ. Фольклор обладает устной формой бытования и распространения, народное творчество глубоко заинтересовало собирателей и исследователей только в эпоху романтизма.

Зачастую устные тексты создавались по готовым образцам. Обязательными элементами всех фольклорных текстов являются постоянные эпитеты, метафоры, сравнения, лексические повторы и др. В текстах с сюжетной линией важна структурная составляющая – композиция. Повторяемость и вариативность фольклорного текста позволяла человеку проявить свой талант индивидуально, допуская собственные изменения и дополнения. Так происходил многократный творческий процесс, позволяющий отдельному представителю стать частью целого.

Исторически русский фольклор переплетается с фольклором славянских стран. Формирование происходило в древнеславянское время, затем наступил этап единой древнерусской государственности, феодальное

время, а также фольклор был подвержен влиянию городского и рабочего. Народная поэзия воплощала мир, который создавался человеческим сознанием как идеальный, работало коллективное творчество.

Народные заговоры относят к раннетрадиционному фольклору, соединяющему народный быт и мифологию родоплеменного общества. Заговорный текст лучше остальных жанров сумел донести веру в магическую силу слова до сегодняшнего дня. Самые простые бытовые тексты заговоров были известны всем. Согласно народным поверьям, структуру заговорного текста нельзя менять, потому что в таком случае заговор не будет действовать. Разрушить заговорное воздействие можно только при помощи другого заговора.

Народные представления сохранились в гаданиях и колдовстве, носителями которых в большей степени являлись волхвы, ведуньи и собственно колдуны. Заговоры зачастую были основным элементом колдовства и знахарства. А.В. Ветухов, исследуя причины и условия существования заговоров в работе «Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу сказанного слова» (1907), подчеркивал важность слова в данных текстах: «Слово – первичный источник сознательного мышления, источник самосознания, самоопределения и разумного творчества» [Ветухов 1907: 42].

«Заговор (или заклинание) – произведение магического характера, произносимое с целью воздействия на окружающий мир, его явления и объекты, чтобы получить желаемый результат. Произнесение заговоров часто сопровождалось действиями с водой, огнем, различными предметами, а также крестным знаменем» [Зуева, Кирдан 1998: 63]. Действие всего ритуала в целом соотносимо с рассматриваемой типологией культурных кодов. Сопровождение вербального кода – заговорного текста – в виде воды, огня и др. соотносится с акциональным и вещным кодами.

Вера в волшебную силу слова отразилась во внутренней форме народных названий жанра: *заговор, наговор, заклинание, шептание, слово, молитва*. Все названия являются синонимами. Общее в их семантике – указание на манеру произнесения «магических» слов: так, чтобы никто не слышал. Самая употребительная лексема – *заговор*, образована от глагола «*заговорить*», означающего «воздействовать на кого или что-либо словами». У В. Даля находим нужное толкование: ‘завораживать, заколдовывать; таинственными словами, дыханием, движением рук останавливать какое действие, лишать силы’ [Даль 1880: т. 1, с. 583]. Еще одна часто используемая лексема – *заклинание*, образованная от глагола «*заклинать*», обозначающего «подчинение своей воле магической силой». В словаре В. Даля находим значение слов *заклинать, заклясть*: ‘заповедать, заказывать, запрещать под страхом проклятия кары небесной // заговаривать, завораживать, заколдовывать’ [Даль 1880: т. 1, с.604].

Зачастую понятия «заговор» и «заклинание» исследователи используют недифференцированно. Однако некоторые ученые, например, Н.В. Гультаева считают, что термины необходимо различать, потому что заклинание является видом заговора, возникшим в более ранний период, нежели другие типы формул [Гультаева 2000]. В дальнейшем мы будем придерживаться мнения исследователей, не дифференцирующих названные понятия.

В особую группу некоторые ученые выделяют заговоры, похожие на молитвы. Например, Н.В. Шестеркина считает, что такие тексты нужно выделять в отдельный жанр – народные молитвы, которые сближаются и с апокрифическими молитвами, и с заговорными формулами, отличаясь отсутствием императивности [Шестеркина 2014]. Безусловно, заговорные тексты отличаются от жанра молитвы в его каноническом понимании, но элементы молитв в виде лексики с религиозной атрибутикой встречаются в заговорах часто. Г.А. Барташевич, выделяя различные формы заговоров (заговоры-обращения, заговоры-просьбы, заговоры-пожелания, эпические

заговоры, заговоры-диалоги, заговоры-лечебные советы), включала заговоры-молитвы в эту группу [по Зуевой, Кирдану 1998: 66].

Т.В. Зуева и Б.П. Кирдан не относят молитву ни к отдельной группе, ни к разновидности заговоров и считают, что жанр испытывал разные влияния, связанные и с языческими молитвами, и с христианской религией. По нашему мнению, эта позиция является наиболее логичной, поскольку молитвенные черты можно выделить во многих текстах. Это свидетельствует не о сужении границ, а о жанровом разнообразии. Разновидности, выделяемые Барташевич, на наш взгляд, в сущности, несут одну заданную направленность, поэтому мы будем классифицировать заговоры в зависимости от их лингвистических и структурных особенностей и исходя из отражения в текстах двух картин мира. А. А. Блок в работе «Поэзия заговоров и заклинаний» (1906) писал: «Профессиональный заклинатель или тот, кого тоска, отчаянье, любовь, беда приобщили к природе, кому необычные обстоятельства внушили дар заклинаний, - обращаются к природе, стремясь испытать ее, прося, чтобы она поведала свои тайны. Такое обращение напоминает молитву, но не тождественно с нею. <...> В заклинательной формуле весь интерес сосредоточен на выражении желания. Имена божеств, упоминаемые в ней, изменяются, но сама формула остается неизменной» [Блок 1986: 148].

Функционирование языка в любом художественном тексте связано с отражением индивидуально-авторского видения мира и образов, запечатленных в сознании. Фольклорные тексты передают коллективное настроение, отражая тем самым массовое сознание и раскрывая ментальные установки народа.

Через ряд ассоциаций в художественном тексте проявляется авторское отношение, соответственно настраивающее и читателя. Народные тексты преимущественно назидательны, обладают высоким уровнем образности, что проявляется в метафоричности их языка. Благодаря иносказательности

обеспечивается скрытое воздействие на адресата (слушающего или читающего), активизируется воображение.

Понимание народной мудрости, заложенной в текстах, происходит путем проведения подробного лингвистического анализа. Создавая художественные образы, человек неосознанно пользовался образными средствами, служащими одним из важнейших компонентов заговорной формулы.

Одним из используемых в народных заговорах приемов является **олицетворение**, которое служит для очеловечивания образов. В лингвистике термин трактуется неоднозначно. По мнению А.А. Потебни, в мифологии образ и значение были равноценны, но с течением времени вера в мифы пропадает и остается метафора. Термином метафора Потебня называет условный художественный прием, при котором «замена понятия не происходит, а есть только приписывание по традиции» [Потебня 1976: 111]. Некоторые ученые считают олицетворение разновидностью метафоры (например, Е.А. Бахмутова, Н.О. Гучинская, В.П. Ковалев). В.П. Ковалев выделяет в олицетворении две группы: зооморфизм (одушевление неживой природы) и антропоморфизм (наделение свойствами человека), а Е.А. Некрасова говорит об антропоморфной метафоре и собственно олицетворении [Некрасова 1975]. В позиции всех исследователей обнаруживается общая черта, связанная с одушевлением неживого или присвоением ему человеческих свойств.

В нашем исследовании мы будем опираться на определение, представленное в словаре лингвистических терминов. «**Олицетворение** - (греч. *prosoporoieia*, от *prosopon* — лицо + *poieo* — делаю). Троп, состоящий в приписывании неодушевленным предметам признаков и свойств живых существ» [Розенталь, Теленкова 1985: 286].

Как правило, в заговорных текстах олицетворение можно обнаружить в обращениях к неодушевленным предметам, а также природным явлениям, наделенных человеческим сознанием. Например:

*«Месяц-брат, солнцу сват,
Ты ходишь высоко и видишь далеко»;*

или:

*«Зоря ты, зоря красная,
Зоря ты, зорюшка ясная».*

В некоторых заклинаниях образы могут действовать самостоятельно:

*«В чистом поле стоит черная изба,
А в избе, в углу, лежит доска.
На доске лежит и стонет тоска».*

В большом количестве в заговорах представлена персонификация темных сил (даже если они являются помощниками), недругов и болезней: *сатанина, домовой, навушка-романя, хворь, сорок сороков, леший, тоска, бес, дьявол, черт, худое, бессонница, полуночница, жаба, икота* и др. В роли положительных помощников и светлых сил выступают *Божья Матерь (Мария, матушка), Иисус (Господь, Спаситель, Бог)*, ангелы, архангелы, пророки, а также природные явления в образе *зари, огня, месяца, солнца* и др.

Необходимым тропом в фольклорных текстах является **эпитет**. Эпитет – красочное определение, помогающее конкретизировать, точнее описать существительное. Это разновидность тропа, который указывает на и неповторимые черты и придает тексту экспрессивность.

В лингвистической науке под **эпитетом** понимают «(от греч. *epitheton* — приложение) художественное, образное определение, вид тропа» [Розенталь, Теленкова 1985: 313].

Эпитет выступает как изобразительный прием, который, взаимодействуя с основными типами семантических переносов – метафорой,

метонимией, метаморфозой, оксюмороном, гиперболой и др., – придает тексту в целом определенную экспрессивную тональность.

Самыми употребительными эпитетами народных заговоров являются «цветовые» эпитеты типа *красная девица/ молодец, белое тело, печень черная, белые руки, белый свет, сер-горюч камень, красное золото, черные брови, красно солнце, белый престол*. По мнению Н.В. Гультаевой, именно *белый, красный и черный* – самые значимые «цветовые» эпитеты в текстах заклинаний [Гультаева 2000: 9]. Названные примеры относят к общефольклорным клише, не несущим специфической внутренней формы. Описание в заговорах человека и человеческого тела условно носит в устном народном творчестве стандартный характер. Особое значение приобретает только «цветовой» эпитет в словосочетании *огненная река*, символизирующий мифологический образ волшебной реки, разделяющей мир живых и мертвых. В число общефольклорных входят также эпитеты: *добрый молодец, удалой молодец, зеленый луг, Пресвятая Богородица*; усеченная форма – *чисто поле*.

Многие эпитеты служат в тексте для обозначения качества предмета, дополняя, усиливая или поясняя лексическое значение существительного: *сера сосновая, нож булатный, святая водица, чистое серебро, сердце ретивое, медный столб, березовые лапти, ременные оборы, железный сундук, крутая гора, лукавые люди, лихие люди*. Употребляются эпитеты, обозначающие принадлежность: *чужая сторона, чужой молодец, родной отец, родная мать, раб Божий, раб дьявольский, сила сатанинская, дьявольско болото*. Специфичность языка заговоров подчеркивается особой структурой построения – наличием сочетаний единообразных по морфемному составу лексем: *старые старики, молодые молодухи, вечерняя вечерница* (в фольклоре и поэзии плеоназм способствует напевности речи, её эмоциональной окраске и для создания образности).

Не менее значимым тропом в текстах заговоров является сравнение. «*Сравнение* – троп, состоящий в уподоблении одного предмета другому на основании общего у них признака» [Розенталь 1985: 268].

В тексте сравнение выражается несколькими способами:

- формой творительного падежа;
- формой сравнительной степени прилагательного или наречия;
- оборотами со сравнительными союзами;
- лексически (при помощи слов «подобный», «похожий»).

Так же, как эпитет, сравнение не нейтрально в фольклоре, оно имеет свое назначение и передает коллективное отношение к предмету, явлению или человеку, которые сравниваются, отождествляются с чем-либо.

Структура данного тропа состоит из трех частей: что сравнивают, с чем сравнивают и признак сравнения. В заговорах сравнения необходимы для укрепления словом своего желания, существуют тексты, полностью построенные на этом приеме:

*«Как нога моя стоит твердо и крепко,
так слово мое будет твердо и легко,
тверже камня, лепче клею и серы сосновой,
острее булатного ножа;
что задумано, да исполнится»;*

или:

*«Как живут между собою голубки,
Так же любила бы меня раба Божия (имя рек)».*

Иногда сравнения в заговорах связаны с обращением к силам природы, что приводит к гиперболизации:

*«Как гора с горой не сходится,
так бы раб твой не сходился ни со зверем,
ни с птицей, не мог бы услышать,
не мог бы увидеть на сей день грядущий».*

Символы, олицетворения, эпитеты и сравнения в заговорах в совокупности представляют вербальный код культуры и играют роль магических элементов текста. Они – один из важнейших элементов заговорной формулы. Устойчивость их употребления связана с верой в то, что с изменением или утратой компонента формулы исчезает и магия слова.

1.3 Понятие языковой картины мира. Отражение мифологической и религиозной картин мира в заговоре

1.3.1 Понятие ЯКМ в лингвистической науке

Язык народного творчества выступает связующим звеном между эпохами и поколениями людей, а также является системой зеркально отображенных ментальных установок, запечатленных в сознании носителей. Национальный язык – необходимая составляющая национальной культуры в целом, это инструмент ее выражения и постижения. А.В. Ветухов писал, что слово «служило центром, к которому стягивалось все, в чем подмечено было какое-либо сходство; так создавалась группировка, деление на категории всего необъятного, что открывалось человеческой мысли» [Ветухов 1907: 43]. Благодаря языку как системе символов и кодов мы можем понять, какие именно компоненты важны для рассматриваемой культуры. В соответствии с идеей В. фон Гумбольдта, язык – это народный дух, явление, отражающее народный характер. Представление о языковой картине мира исторически связано с идеями В. фон Гумбольдта, а также Сепира-Уорфа, чьи исследования сводятся к положению о том, что тип мышления носителей обусловлен языком, на котором они мыслят.

Языковая картина мира (ЯКМ) – термин, впервые предложенный немецким исследователем Л. Вайсгербером, продолжавшим учение

В. фон Гумбольдта и считавшим, что язык является не продуктом деятельности, а самой деятельностью. Отсюда появилась мысль о реальном языковом воздействии. Теория Гумбольдта также получила развитие в трудах А.А. Потебни, чья книга «Мысль и язык» (1862) раскрывает понятие внутренней формы слова.

Изучение ЯКМ актуально для современной лингвистической науки, в числе исследователей: Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, А. Зализняк, В.Н. Телия, Ю.Н. Караулов, Н.Ф. Алефиренко, С.А. Кошарная, А.Д. Шмелев, Е.С. Яковлева и др.

Многие ученые представили свое понимание термина, в частности, В.Н. Телия трактовала **ЯКМ** как «неизбежный для мыслительно-языковой деятельности продукт сознания, который возникает в результате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире в актах коммуникации» [Телия 1988: 189]. Ю.Н. Караулов считал, что **ЯКМ** – это «отраженное в языке и выраженное с помощью языка упорядоченное представление об устройстве окружающей реальности» [Караулов 2010: 161]. По мнению Е.С. Кубряковой, в понимании термина важна когнитивная составляющая, поскольку **ЯКМ** представляет собой систему знаний о мире. Учитывая особенности каждой научной трактовки, следует также обратить внимание на то, что **языковая картина мира** не просто отражает объективное видение реальности, а фиксирует результаты восприятия и интерпретации действительности, которые осуществляются посредством сознания.

1.3.2 Специфика национальной картины мира. Мифологическая и религиозная картины мира

Для каждой лингвокультуры характерна своя **ЯКМ**, на которую опирается и которой пользуется носитель языка. В понятие языковой картины мира включается понятие национальной языковой картины мира.

Национальная языковая картина мира сформирована и опосредована языковым сознанием, в том числе мифологическим, которое лучше всего представлено в текстах фольклора. Построение образов обусловлено спецификой национальной культуры.

Мифология является ранней формой человеческого мировосприятия, которая возникает в самом начале общественного развития. **Мифы** – это «такие создания коллективной фантазии, в которых мир предстаёт в виде конкретно-чувственных вымышленных существ, но которые мыслятся первобытным сознанием как вполне реальные» [Маслова 1997: 8]. В мифах через систему образов обобщаются человеческие представления о мире, природные явления одушевляются и приобретают свойства живого, тексты наполняются эмоциональным откликом сознания на окружающую действительность.

«**Мифологическая картина мира**, соответственно, с одной стороны, является первой попыткой человека познать мир, а с другой – является способом конструирования реальности, средством управления обществом и манипулирования сознанием» [Черкашина, Чумак-Жунь 2013: 79].

К свойствам мифологического сознания относят:

- Целостность;
- Символическое мышление;
- Относительность понятий этики и морали;

- Отсутствие деления на «реальное» и сверхъестественное»;
- Вера в магию.

Целостность заключается в том, что человек мог объяснить любое явление, таким образом обозначая свое место в мире и считая себя одной из его главных частей.

Метафорическое мышление, по мнению многих ученых, проявилось в сознании человека довольно рано. Так, например, А.Н. Афанасьев в своем труде «Поэтические воззрения славян на природу» (1865-1869) говорил, что все древние слова изначально являются метафорой, поскольку человек называл предметы и явления действительности по ассоциациям, звучание подкреплялось образностью. Эту же мысль развивал в своей работе «Мысль и язык» (1892) А.А. Потебня, считающий, что слова обладают внутренней формой, которая зачастую становится неясна современному носителю языка. Наглядно данный процесс можно проследить на примере этимологии слов, которая помогает разъяснить их первичную метафоричность. Мифологические образы помогали человеку «достраивать» реальность, от чего она приобретала идеальные черты. Причем элементы фантастического и реального не противопоставлялись друг другу, а гармонично взаимодействовали.

Древнее сознание не знало морально-этических норм, которые существуют в современном обществе. Тогда мораль соотносилась с пользой для себя и своих близких.

Важная черта мифологического мышления – отсутствие современного понимания фантастического. Человек не дифференцировал мир так, как это принято сегодня. «Магия» следовала за человеком в повседневной жизни, воспринималась им как реальное явление. Вера в магию считается одной из наиболее устойчивых особенностей мифотворчества.

Таким образом, для мифологической картины мира характерна нерасчленённость первобытного сознания, невыделение человека из

окружающей среды, иллюзорно-фантастическое представление о мире [Халимулина 2008: 6].

На определенном историческом этапе на смену мифологической картине мира приходит новая форма – религиозная картина мира, составляющая ядро религиозного мировоззрения. Мифологическая картина мира тесным образом соприкасается с религиозной, однако последняя, в отличие от первой, утверждает дуалистичность бытия: с одной стороны, абсолютное, сверхъестественное начало, не поддающееся рациональному познанию, а с другой стороны, сотворенное бытие, в том числе и бытие самого человека.

С приходом религии изменилась форма понимания человеком своего места в мире. Для язычества было характерно слияние человека с окружающей действительностью, антропоморфизм. В соответствии с религиозными догмами, человек видит себя, прежде всего, в общении с Богом, а весь окружающий мир понимается как его творение.

Несмотря на отрицание язычества христианством, обе формы мировоззрения продолжают взаимодействовать друг с другом в народном сознании, сохраняя древние неповторимые черты. Принятое христианство открыло путь к монотеизму и вместе тем наложилось на уже сложившиеся мифологические представления славян в соответствии с новыми морально-этическими нормами.

1.3.3 Мифопоэтическая и религиозная КМ в текстах народных заговоров

Дальнейшее исследование языка заговоров невозможно без рассмотрения двух важных картин мира, которые отражены в текстах и, с одной стороны, противостоят друг другу, а с другой – являются взаимодополняющими ценностными системами.

«Знахарь напрягает всю свою волю, требует, чтобы произошло то, что им замыслено. Для того чтобы вызвать желанную демоническую силу, он творит обряд или рассказывает о действиях природы. Это – две необходимых части всякого заговора – пожелание и обряд – так называемая эпическая часть» [Блок 1986: 149]. В текстах заключено множество мифологических образов, свидетельствующих о продолжении бытования язычества в народной среде. Одной из наиболее распространенных мифологем, встречающихся в текстах заговоров, является образ центра земли, связанный с мифами о происхождении мира – *Окиян море, остров Буян*. В славянских представлениях это место явилось первой землей посреди огромного водного пространства. Непременным атрибутом, лежащим на острове, становится волшебный и исполняющий желания камень под названием *Алатырь* или (наиболее частотная форма) *Латырь*. Еще один локальный мифологический образ – *Огненная река*, служащая местом разделения внешнего и фантастического миров.

В зависимости от целевой направленности заговоров, в текстах персонифицируются животные и насекомые (*осы, муравьи, корова, сорок сороков*), болезни (*тоска, родимец, жаба, полуночица, скорби-икоты*), природные явления (*заря, ночь*), объекты окружающей действительности (*ружье, стрела, ножи*). Возникают собственно мифологические образы

существ (*павушка-романея, домовой*) и традиционные фольклорные образы: *удалой молодец, добрый молодец, красна девица* и др.

Религиозная картина мира представлена в текстах заговоров в синтезе с мифологической в виде образов и атрибутики. Самыми частотными являются положительные сакральные фигуры: *Иисус, Бог, Господь, Мария, Божья мать, матушка*, а также ангелы, архангелы и святые. К отрицательным религиозным образам относятся *сатанина, дьявол, черти*. В заговорах часто встречаются названия религиозных атрибутов и лексем, обозначающих действие: *престол, обеденка, церковь, перекрестясь, не перекрестясь*. Важнейшей особенностью проявления религиозности является наличие в текстах заговоров молитвенных формул: *Во имя отца, сына и святого духа; Аминь, аминь, аминь*. Локальным религиозным образом являются *Сиянские горы*.

Безусловно, есть тексты, в которых представлена одна из двух форм мировоззрения в чистом виде. Однако в большинстве текстов заговоров наблюдается взаимопроникновение двух картин мира. Так, например, образ сатанины возникает для призыва павушки-романеи, возле огненной реки располагается церковь, а булатные ножи отправляются колоть вора вместе с помощью Божьей матери.

Выводы по 1 главе:

1. Код культуры является неотъемлемым элементом языка народного творчества. Взаимодействие языка и культуры осуществляется посредством общественного сознания. Понимание кода культуры включает в себя достояния культуры в широком смысле в виде целых направлений (например, фольклор вообще) и в узком смысле в виде конкретных элементов (например, тексты заговоров). В целях дальнейшего исследования мы остановились на трехчастной общей классификации кодов культуры, включающей вербальный, предметный и акциональный коды. Однако

следует помнить, что каждый из названных кодов включает наложение других частных кодов культуры.

2. Важной языковой чертой заклинаний является наличие образных средств, характерных как для устного народного творчества в целом, так и служащих одним из необходимых конструктивных элементов заговорной формулы.

3. Языковая картина мира представляет собой отражение и интерпретацию окружающей действительности сквозь призму сознания индивида. Национальная языковая картина мира формируется опосредуется общественным языковым сознанием. Мифологическое и религиозное сознание являются его обязательными элементами. Именно в текстах заговоров отчетливо проявилось взаимопроникновение двух картин мира.

Глава 2. Заговор как вербальный код культуры

2.1. Основные структурные элементы заговора

2.1.1. Структура заговора

Согласно представлениям русского народа, заговоры являлись важнейшим инструментом воздействия на реальную действительность. Заговаривающий осознанно использовал заговорные тексты для исполнения своей воли. Считалось, что знание и произнесение заклинаний вылечит от болезни, принесет счастье, даст любовь, накажет обидчиков. Действенность данных текстов достоверно не известна, однако народное сознание разных эпох всегда верило и продолжает охотно верить в результат.

Условно языковая структура заговора может быть представлена в виде схемы:



Начало и концовки многих заговорных формул, как правило, имеют схожие черты и строение, содержат общую смысловую наполненность. Зачин связан с переходом в сверхъестественную реальность, с обращением к какой-либо силе или с цитированием слов молитвы: *На море на Окиане; Во имя отца, сына и святого духа; Пойду я в поле на травы зелены; Благослови меня, Господи и др.* Финаль представляет собой закрепление желаемого, часто связано с мифологическими или религиозными представлениями: *во веки веков; аминь, аминь, аминь; слово мое крепко и др.* Но поскольку сам жанр заговора ориентирован на определенный случай, то развитие основной части текста зависит от преследуемой цели (например, вылечить или покалечить, вызвать положительные или негативные чувства, решить какие-либо бытовые проблемы и др.). Исходя из заданной цели, представленной в динамической части, выделяется обширная классификация заклинаний. В сборниках русских собирателей тексты представлены в разных видовых категориях, не всегда соотносимых друг с другом, поэтому нами условно выделены три основные группы заговоров:

- Любовные;
- Лечебные;
- Хозяйственно-бытовые.

В составе названных групп выделяются подгруппы, однако существуют заговоры, которые носят переходный характер и могут относиться одновременно к нескольким группам. Например, ситуативные заклинания могут быть причислены к группе хозяйственно-бытовых.

Безусловно, не во всех заклинаниях композиция полностью соотносится с предложенной нами моделью. Существуют заговоры, в тексте которых одна формула объединяет и зачин, и эпическую часть, и закрепление слова без явно обозначенного вступления, поскольку она построена при помощи сравнения:

*«Как нога моя стоит твердо и крепко,
так слово мое будет твердо и легко,
тверже камня, лепче клею и серы сосновой,
острее булатного ножа;
что задумано, да исполнится». («Когда сваха идет на сватовство»,
1868, с. 26).*

Выбор лексем, используемых во вступлении, зачастую зависит от сравнения, которое в дальнейшем будет усиливать материальность слова. В следующем заговоре зачин – обобщённое обращение к народу (*народ, люди добрые*) конкретизируется в отдельных образах *старые старики, молодые мужики, старые старухи, молодые молодухи, красные девицы, малые ребятки*:

*«Собирайтесь народ, люди добрые,
ко честному Христову празднику.
Как глядят на кресты, на маковки,
на мать Пресвятую Богородицу,
на различный образ,
так бы на раба Божия (имя рек)
глядели и смотрели старые старики,
молодые мужики, старые старухи,
молодые молодухи, красные девицы,
малые ребятки,
так бы раба Божия (имя рек)
глядела и смотрела,
так бы раб Божий (имя рек)
казался краше красного золота,
чистаго серебра.
Будьте, мои слова, тверды и крепки,
на веки нерушимы.*

Ключ в воду, а замок в руки». («Заговор на любовь», 1868, с. 12).

2.1.2. Прагматический аспект языка народных заговоров

Прагматика заговоров заключается в воздействии на конкретный объект окружающей действительности с целью исполнения желаемого. Знаменитые строки из стихотворения Вадима Шефнера образно подтверждают эту мысль: «Словом можно убить, словом можно спасти». На сегодняшний день проблема изучения значимости звучащего слова особенно актуальна. Развитие таких областей, как лингвопрагматика, нейро- и психолингвистика приблизили современную науку о языке к пониманию слова как особого энергетически заряженного элемента действительности, несущего как положительную, так и отрицательную иллокутивную силу.

Такое понимание важности звучащего (и мысленного) слова в древности было особенным. Человек соотносил слово с действием, сказанное воспринималось как реальное. Об этом в XIX в. писал и собиратель фольклора А.А. Афанасьев: «В древности значение корней было осязательно <...> Большая часть названий основывалась на весьма смелых метафорах» (Цит по: Зуева, Кирдан 1998: 152). Со временем метафоры стали восприниматься как реальное действие.

Прагматический аспект играет важную роль в понимании народных заговоров. Жанр предполагает явное воздействие на судьбу человека, предметы и явления действительности. Происхождение заговоров зачастую связывают с ритуалами, проводимыми жрецами и волхвами еще до принятия христианства. Заговор – один из древнейших жанров, входящих в сферу магической практики и воплотивший в художественно-образной форме

архаические представления наших предков. В широком смысле слова заговор – это словесная формула, обладающая магическим значением.

Субъектом действия в текстах всегда выступает заговаривающий, а объект воздействия меняется в зависимости от цели. Цель заговора коррелирует с тематическими группами, поскольку условно все заговорные тексты разделяются на лечебные, любовные и хозяйственно-бытовые. В отдельных, конкретных наименованиях можно увидеть намерение говорящего. Например, есть заговор «Чтобы выйти замуж за того, кого любишь», есть заговоры от конкретных болезней («Как заговорить рожу» – инфекционное заболевание), заговоры «Чтобы не было пожара» и др.

Классификацию заговоров представим в виде схемы:



В отличие от обычного речевого акта, где есть адресант и адресат, в заговорном тексте адресат – не всегда является тем, кто должен «слушать». В заговорном тексте адресат – этот тот, на кого направлено воздействие, объект, который не обязательно должен воспринимать это (человек, болезнь,

антропоморфные явления, животные). Наоборот, чаще всего заговор произносится в тайне от всех. И его специфическая прагматическая особенность заключается в том, что он всегда несет отрицательную модальность, поскольку направлен на изменение естественного хода событий, часто идущего вразрез с желанием объекта, если объект – человек. Слова, используемые в таком речевом акте, изначально семантически несут отрицательную иллокутивную силу. Положительная модальность может возникать только в заговорах от болезней. Остальные же тематические группы всегда подразумевают отрицательное отношение заговаривающего к объекту воздействия, что отражается в используемой лексике: *дьявольско болото; сатанинская сила; развести, чтоб друг друга не любили, друг друга колотили, и порой ножом поразили; как он бьет травы и цветы ломает и бросает, так же бы (имя рек) бил, ломал (имя рек) и бросал, и на очи не принимал, и до себя вплоть не допускал, и казался бы тот человек пуще змея лютого, и жгло, и палило бы его огнем, громом и молнией; не мог бы услышать, не мог бы увидеть на сей день грядущий* и др.

Только любовные заговоры, как более узкий вид, имеют четкую структуру. Лечебные и хозяйственно-бытовые заговоры могут быть представлены множеством подвидов, поскольку человек использовал их при решении любых жизненных задач. В нашей классификации представлены наиболее структурированные. В ходе дальнейшего исследования нам кажется необходимым обратиться к анализу различных видов заклинаний с целью выявления языковых особенностей в разных группах заговоров и выделения особенностей, характерных только для конкретной группы.

Таким образом, по своей сути заговор является максимально прагматичным сакральным текстом. Он восстанавливает ту полноту картины мира, которая веками складывалась в народном сознании. В качестве субъекта действия выступает заговаривающий, а объектом магического воздействия является то, на что это воздействие направлено. Все устройство

заговорного текста, включая ритуальные действия, необходимо для осуществления желаемого, претворения слова в реальность. Почти все виды заговоров несут отрицательную модальность, заговаривающий «навязывает» свое волеизъявление на окружающую действительность, т.е. действие над объектом всегда происходит против его воли, нарушается естественный ход событий.

2.2 Языковая специфика жанровой классификации заговоров

2.2.1 Лексико-семантический комментарий наименований мифологических персонажей в текстах русских народных заговоров

Мифы и предания являются бесценным, драгоценным кладом в культурном фонде каждого народа. У многих индоевропейцев они были зафиксированы на ранней стадии исторического развития и потому дошли до нас в обработанной литературной форме (поэмы Гомера в западноевропейской культуре, «Старшая Эдда» – в скандинавской).

К сожалению, произведения славянской мифологии не дошли до нас в достаточном объеме. Однако, несмотря на это, отголоски древней языческой культуры предков обнаруживаются в устных сакральных текстах, ритуалах и различных направлениях фольклора.

Миф – ранняя форма сознания народа, пытающегося понять устройство мира сквозь призму самого себя. Одухотворяя окружающую действительность и силы природы, человек определял свое место в магическом мире, наполненном как добрыми, так и злыми духами.

В стремлении балансировать, находясь между сверхъестественными существами, народ часто обращался к заговорным формулам, которые

считались доступным и проверенным средством гармонизации окружающей действительности.

Самые распространенные мифологические существа и образы, встречающиеся в текстах народных заговоров, – *домовой*, *кикимора*, *огненный змей*, *оборотень*, *призорок* и др. В сборнике народных заговоров Л.Н. Майкова «Великорусские заклинания» даже представлена отдельная глава с текстами, отражающими перечисленные образы, – «Отношения к сверхъестественным существам». Однако современные сборники народных заговоров не содержат подобных глав и даже текстов.

Для того чтобы понять важность языческих верований наших предков, можно попытаться проникнуть в их духовную жизнь через толкование названий мифологических персонажей.

«*Домовой* – у славянских народов домашний дух, мифологический хозяин и покровитель дома, обеспечивающий нормальную жизнь семьи, здоровье людей и животных, плодородие» [Артемов 2014: 47].

В словаре В.И. Даля рассматриваемая лексема не упоминается, однако современные словари русского языка отразили толковое значение: «это сказочное существо, обитающее в доме, злой или добрый дух дома» [Ожегов 1964: 135]. Персонаж имеет и другие названия: *дед*, *дедко*, *соседушко*, *запечник*, *подпечник*, *батюшко*, *доможил*. В зарубежной фольклорной традиции существо, подобное домовому тоже упоминается, но чаще всего представляется в виде домашнего карлика и имеет разные наименования, например, в Дании – *ниссе*, в Швеции – *томте*, в английской мифологии – *добби*, *брауни*, в Польше – *хованец*, в Белоруссии – *хатник*, *господар*, *дамавик*. Общей особенностью данного персонажа для многих стран является его происхождение, связанное с культом предков. Согласно древним поверьям, *домовой* – это дух умершего прародителя.

Еще один дух, упоминаемый в заговорах, – *кикимора* – персонаж восточнославянской мифологии, первая помощница Макоши (богини

Судьбы), проявление злого духа Мары – Кики Мара. Первая часть слова «кики» иногда сопоставляется с глаголом «Кыкать», что значит кричать лебедем [Даль 1880: 349], или с существительным «кика», обозначающим головной убор с рогами [Даль 1880: 332]. Мара – это общеиндоевропейское имя ночного демона, насылающего наваждения и страшные сны (отсюда «кош-мар»). В европейских легендах Мара садится на грудь спящего, вызывая удушье [Артемов 2014: 52]. Другие названия: *шишимора*, *суседка*.

Словарь В.И. Даля дает толкование лексемы *кикимора* – «об. род: домового, который по ночам прядет, он днем сидит невидимкою за печью, а проказит по ночам, с веретеном, прялкою, воробами и вьюшкою» [Даль 1880: 349]. Существует также другая разновидность данного существа, называемая *кикимора болотная* или *лесная*. В современном народном сознании закрепился именно этот образ. После принятия христианства кикиморами иногда считали детей, умерших некрещеными.

Обратимся к лексеме *волколак*, или *волкодлак*, обозначающей еще одно необычное мифологическое существо, встречающееся в текстах заговоров. Находим толкование в словаре В.И.Даля: «(волк и кудла, т.е. волчья шерсть) оборотень, человек, обращенный в волка, который затем также оборачивается в собаку, кошку, страшилище, куст, пень и др. По поверью, ведьмы обращаются в вовкулак и обращают других» [Даль 1880: 237]. Более позднее распространенное название – *оборотень*. В славянской мифологии волколак – это оборотень, принимающий звериный образ, или простой человек, чарами колдовства превращенный в волка. Рассматриваемый образ встречается практически во всех культурах мира.

Согласно восточнославянским представлениям, человек может превращаться добровольно и не всегда творить зло. Это связано с тем, что многие славянские племена имели не просто животных-покровителей, а отождествляли себя с животным-хранителем. Для многих племен это был волк. Считалось, что ведуны могли войти в сознание животного и слиться с

ним, а волхвы могли оборачиваться в волка, сокола, ворона. В русской мифологии оборотнями могли считаться уважаемые люди, например, князь Вещий Олег. Западные мифы представляют оборотня исключительно как отрицательного персонажа и называют его *вервильф* или *ликантроп* (из древнегреческого).

В качестве примера приведем текст народного заговора из сборника Л.Н. Майкова «К домовому», содержащий один из рассмотренных нами персонажей:

«Кланяюсь тебе, хозяин батюшко и прошу тебя пожаловать к нам в новья хоромы: там для тебя и местечко тепленькое и угощеньице маленькое сделано» [Майков 1869: 158].

Многие поверья давно перешли в разряд сказочных выдумок, а мифологические образы зачастую воспринимаются современным человеком как фантастические персонажи. Однако фольклорные тексты, отражающие народное сознание, в частности, тексты заговоров, говорят об обратном и свидетельствуют о вере человека в потусторонний мир. Рассмотренные нами лексемы, называющие мифологические существа, – лишь малая часть, приоткрытая дверца в тот огромный и непостижимый образный мир, в котором жили наши предки.

2.2.2 Грамматический комментарий к языку текстов заговоров

На сегодняшний день рассматриваемому жанру было посвящено множество исследовательских работ, однако вопрос о синтаксических особенностях народных заговоров остается открытым.

В.И. Харитоновна дает определение заговору: «заклинательные паремии ... это микротексты которые основываются на простейших одночленных синтаксических структурах... Микротексты сравнительно-сопоставительного характера, базирующиеся на закрытых двучленных синтаксических

конструкциях» [по Федоровой 2014: 529]. Из определения видно, что все внимание исследователя направлено на языковой аспект жанра, но наличие лексемы *заклинательные* указывает на прагматическую составляющую. Так и есть на самом деле, поскольку заговор является тем жанром устного народного творчества, целью которого является воздействие на окружающую действительность при помощи языка. Необходимым условием здесь выступает вера человека в сказанное, звучащее слово. В сопоставлении с еще одним прагматическим жанром – колыбельной песней – заговор обладает бо́льшим набором прагматических установок, так как предусмотрен для применения во всех сферах человеческой деятельности. По замечанию Т.В. Топоровой, «прагматическая направленность заговора, выражающаяся в установке на магическое воздействие на объект при помощи словесных формул ради получения конкретного результата, в значительной мере определяет его синтаксис» [по Исхаковой 2009: 167]. Отсюда следует, что композиционная структура заговоров предполагает выбор различных синтаксических моделей.

При анализе синтаксических конструкций заговорных текстов следует помнить о том, что их смысловая структура в большинстве своем представлена в виде трехчастной композиции:

- *зачина*, который «переносит» заговаривающего в воображаемую потустороннюю реальность или просто подготавливает к основному действию (*На море на Окияне, на острове на Буяне гонит Илья пророк на колеснице*);

- *эпической части*, являющейся главной составляющей заговора, поскольку в ней выражается желаемое (*чтоб твоя оружина не была ни птицу, ни зверя, и не ворону, и не сороку, а была в чисто поле, в широкое раздолье, на пусть лес летала*);

- *финали*, необходимым компонентом которой становится образное закрепление всего вышесказанного словом, как ключом (*К этому моему слову небо и земля – ключ и замок, аминь*).

В заговорах одна и та же смысловая предикативная основа может быть развернута в отдельное предложение, в текст или в отдельный фрагмент текста. Зачастую используется синтаксический параллелизм, т. е. расположение в двух параллельных предложениях одинаковых членов предложения в одинаковом порядке, который усложняется другими разнообразными стилистическими средствами, как-то: повторением одних и тех же слов, использованием синонимов и т. п. Все это усиливает силу художественного воздействия и даже меняет обычное значение слов.

В тех заклинаниях, в которых выделяются вышеназванные композиционные части, можно встретить и соответствующее им синтаксическое деление на предложения. Рассмотрим каждую композиционную часть в отдельности на конкретных примерах.

«Собирайтесь народ, люди добрые, ко честному Христову празднику. Как глядят на кресты, на маковки, на мать Пресвятую Богородицу, на различный образ, так бы на раба (имя рек) Божия глядели и смотрели старые старики, молодые мужики, старья старухи, молодья молодухи, красныя девицы, малыя ребятки, так бы раб Божий (имя рек) казался краше красного золота, чище чистаго серебра. Будьте, мои слова, тверды и крепки, на веки нерушимы. Ключ в воду, а замок в руки» [Майков 1869: 12].

Вступление выражено простым односоставным предложением, предикативная основа которого представлена глаголом в повелительном наклонении: *Собирайтесь народ, люди добрые, ко честному Христову празднику*. В некоторых текстах зачин является простым предложением, осложненным однородными членами и обособленными обстоятельствами: *Встану я, раб Божий (имя рек), благословясь, пойду перекрестясь, умоюсь студеной ключевой водою, утрюсь тонким полотенцем, облокюсь я облаками,*

подпояшусь красною зарею, огорожусь светлым месяцем, обтычусь частыми звездами и освечусь я красным солнышком. Еще одна традиционная, часто встречающаяся формулировка зачина допускает варианты сложного предложения с главной частью – клише, построенное по принципу постепенного приближения к объекту. Например, *На море на Окияне, на острове на Буяне стоит бел горяч камень, на том камне лежат три камня, на тех камнях стоят три гроба, в тех гробах три доски, на каждой доски три тоски,* или, *На море на Окияне, на острове на Буяне стоит бел горяч камень, на том камне сидит тоска.* Некоторые заговорные вступления полностью соотносятся с началом христианской молитвы: *Во имя Отца и Сына и Святаго духа.*

Цель, главная мысль заговаривающего в рассматриваемом выше тексте передана в основной части при помощи сопоставительных (градационных) союзов: *«Как глядят на кресты, на маковки, на мать Пресвятую Богородицу, на различный образ, так бы на раба (имя рек) Божия глядели и смотрели старые старики, молодые мужики, старья старухи, молодья молодухи, красныя девицы, малые ребятки, так бы раб Божий (имя рек) казался краше красного золота, чище чистаго серебра».* Кроме того, желаемое, т.е., ради чего произносится текст, передается при помощи глаголов, употребленных в условном наклонении. Данная особенность присуща практически всем текстам заговоров. Для того, чтобы выделить нужное слово или выражение, используют повторение-тавтологию. Тавтологичны лексемы в словосочетаниях: *старья старухи, молодья молодухи.* Особым фольклорным приемом, который часто применяется и в заговорах, является инверсия: *глядели и смотрели старые старики, молодые мужики, старья старухи, молодья молодухи, красныя девицы, малые ребятки.* Эпическая часть других вариантов заклинаний строится на императиве. Например, *Заря-заряница, заря Крикса, возьмите свой крик.*

Крик, крик, поди на Окиян море, или, дуй рабе такой-то в ее губы и зубы, в ее кости и пакости, в ее тело белое, в ее сердце ретивое и т.д.

Финаль текста закрепляет желанное действие двумя предложениями: *Будьте, мои слова, тверды и крепки, на веки нерушимы. Ключ в воду, а замок в руки*. Первое представлено императивом-предикатом, а второе является сложносочиненным предложением, части которого выражены односоставными предложениями (это не односоставные, а неполные). Финаль заговоров, так же, как и предыдущие композиционные части, является обязательным элементом, поэтому зачастую схематична и допускает схожие семантические варианты. Например, *Слово – замок, ключ – язык*. Однако синтаксически данная закрепа является сложным предложением, части которого представлены двусоставными нераспространенными предложениями.

Итак, синтаксические особенности заговорного текста во многом определяются прагматикой, в основе которой лежит воздействие на адресата. Вера заговаривающего в силу сказанного слова проявляется в формульности, которая достигается смысловым композиционным членением.

В составе начального и основного элементов формулы можно выделить: 1) простые двусоставные и односоставные предложения, осложненные однородными членами или обособленными обстоятельствами, что помогает создать эффект приближения к объекту, перенос из реальной действительности в фантастическую; 2) сложные предложения с разным составом частей, в основе которых обязательной составляющей является глагол в повелительном или сослагательном наклонении, что служит для реализации желаемого. Кроме того, этой же цели служат многократные повторы в некоторых текстах и частое использование сопоставительных союзов при однородных членах предложения и частях сложноподчиненного предложения (синтаксический параллелизм).

Финальная часть заговорного текста необходима для закрепления мысли говорящего. Этому служат простые односоставные предложения с императивом-предикатом или сложные односоставные предложения с наличием в предикативной основе подлежащего. В некоторых текстах употребляются сложные двусоставные нераспространенные предложения.

В некоторых сборниках встречаются заговоры, состоящие всего из одного предложения. Их композиционные части выделяются только по смыслу.

2.3. Ритуал как составляющая культурного кода

Представляя заговорный обряд в виде кода культуры, в котором словесный текст сопровождается определенными ритуальными действиями, обратимся к вышеназванной классификации кодов культуры А. Толстого:

- **вербальный;**
- **предметный (вещный);**
- **акциональный.**

Рассмотренные нами заговорные тексты соотносятся с **вербальным кодом** культуры. Однако внутри своей видовой отнесенности этот код включает подвидовые частные коды:

- **временной и пространственный** проявляются во всех тематических группах заговоров и создают образный перенос сознания в зачине: *Собирайтесь народ, люди добрые, ко честному Христову празднику; На море на Окиане, на острове на Буяне; На море на Окиане, посредь моря Белого, стоит медный столб, от земли до неба, от востока до запада; выйду я во чисто поле, во дьявольско болото;*

- **антропоморфный** код также выделяется внутри каждого типа заговоров, поскольку служит основным элементом в очеловечивании природы, болезней и мифологических образов: *первая тоска убивалася, с телом расставалася; павушка романея, беги поскорее, дуй рабе, такой-то, в губы и в зубы; пришла жаба добром, отойди, жаба, добром; Подите вы, ножи булатные, к такому сякому вору;*

- **теоморфный**, соотносимый с картиной мира, выражается в лексике, указывающей на христианское происхождение: *раб Божий, Иисус Христос, Божия мать, обеденка, аминь и др.;*

- **анатомический** содержится в любовной и лечебной тематических группах заговоров, поскольку чаще всего воздействие словом через упоминание частей тела осуществляется именно в приворотных/отворотных или лечении/гублении человеческого здоровья: *дуй в кости и пакости, сердце ретивое; с лица, с рыла; рубите тело и др.*

- **медицинский** код реализуется только в текстах лечебных и проявляется в виде лексем, указывающих на болезни: *родимец, летучий огонь, жаба и др.;*

- **цветовой** код выделяется в эпитетах служащих одним из основных конструктивных элементов заговорного текста: *красная девица, белое тело, печень черная, белые руки, красное золото, красно солнце, белый престол, огненная река.*

Так, **вербальный код** культуры в заговорном ритуале может включать несколько подвидов: временной, пространственный, антропоморфный, теоморфный, анатомический, медицинский, цветовой.

Предметный и **действенный** коды культуры проявляются в заговоре на уровне обрядовой составляющей, которая не относится к произнесению текстовой части.

Ритуал – это порядок действий в обряде. Проведение заговорного ритуала восходит к жреческим культам. Изучая мнения различных ученых о заговорах, А. Ветухов ссылается на мнение Буслаева: «<...> заклятия носят в себе следы первобытной индийской мантры или *величания* <...>. Заговор позднейшей эпохи теряет остатки жреческого периода, оставляя за собою только силу клятвы, целебную или вредоносную <...>. Мантра переходит в заклятие еще в эпоху Вед <...>. С течением времени заклятие мало-помалу теряет черты мантры, отрывается от эпического целого и забывает величания божеств; но сила клятвы остается в нерушимости, как сила вещего слова <...>. Знахари и ведьмы позднейшей эпохи, утратив живую связь с языческими божествами, вовсе не помнят мантры – всю сущность дела они полагают в языческом обряде. Заклинания идут непосредственно от периода языческого...стоят в теснейшей связи с первобытною эпическою поэзией, входят в древнейший эпический миф, как отдельные эпизоды» [по Ветухову 1915: 8].

Так, заговоры идут от древней жреческой традиции восхваления древних божеств. Проводящие заговорный ритуал в русской культурной традиции делятся на две группы: колдунов, которые несут вред, и знахарей, которые занимаются только целительством.

Как правило, заговорный текст сопровождается дополнительной инструкцией по произнесению слов с выполнением действий с предметами или без. Заговорный ритуал включает использование таких предметов, как свечи, вода, нож, травы, доски, мед, нитки и любой другой атрибут, который несет функцию дополнительного усилителя языкового воздействия.

Рассмотрим подробно несколько вариантов комментариев, напечатанных перед текстами самих заклинаний в сборнике Л. Майкова (1869).

Любовные (присушки):

- Говорится на пряник, который должен быть подарен любимой девушке.

- Наговаривается на хлеб, вино и проч., что дается привораживаемому.

- Читается по утренним зорям.

- Говорить трижды на иглу новую, которую еще не шили, и на суровую нитку, продетую игле в ушко; наговоря, продеть иглу и с ниткой сквозь платье женское, против сердца, сзади и спереди.

- Взять стручок о девяти зернах и, ударяя им трижды по крестцу коренной лошади, приговаривать.

Лечебные:

- Пойти к рябине и погрызть ее несколько раз, приговаривая (от зубной боли).

- Знахарь обводит место, где больной чувствует колющее, бруском и крестит это место столовым ножом, говоря и крестя трижды (от колющего).

- По утренней и вечерней зоре больной выходит и говорит (от жабы).

В быту:

- На ночь кладут в изголовье постели хлеб-соль, задумывая о чем-нибудь, говорят (ко сну).

- Нужно взять палку из муравейника и объехать с нею вокруг стада три раза (чтобы лошади не выходили с паствы).

- Чтобы был улов рыбы, надо взять свечу, горевшую на Страстной неделе во время стояния у христовской заутрени, и окурить ею ловушку рыбную, приговаривая.

Обобщая информацию, сопровождающую заговорные тексты, можно отметить, что важным фактором в произнесении заговоров зачастую является место и время действия (перекресток, дом, постель, двор, порог, лес, утренняя или вечерняя заря, полночь и т.д.), в зависимости от типа обряда

используются определенные предметы (например, в любовных и лечебных заговорах часто применяется еда). Происхождение таких «инструкций» можно сопоставить с народными приметами и поверьями о священных или «злых» местах, из которых эти правила и появились. Например, с порогом связана примета, что ничего нельзя через него передавать. Предметная составляющая становится необходимым компонентом визуализирования желания заговаривающего путем ассоциаций. Например, в заговорах от болезни и на любовь часто используются колющие или режущие предметы, что должно образно помочь представить уничтожение болезни или поражение души человека.

Таким образом, заговорный ритуал в целом представляет собой многослойную кодовую структуру, состоящую из трех важных компонентов, призванных дополнять друг друга: вербальный, акциональный и предметный. При более подробном изучении можно отметить, что вербальный, в свою очередь, подразделяется на более частные компоненты. Акциональный и предметный коды культуры зачастую служат вспомогательным элементом при произнесении самого текста, поскольку в их основе лежат определенные поверья и ассоциации.

Выводы по 2 главе:

- 1.** Условно структура заговора представляет собой трехчастную модель: зачин, основная часть, финаль. В некоторых текстах грани между частями композиции стираются.
- 2.** Прагматика заговоров заключается в воздействии на конкретный объект окружающей действительности с целью исполнения желаемого. В заговоре всегда есть субъект и объект действия, в качестве которого могут выступать человек, болезнь, животные, мифические существа и другие объекты окружающей действительности.

3. В зависимости от изменения объекта воздействия выделяются три обширные группы заговоров: любовные, лечебные, хозяйственно-бытовые. Лингвистические особенности каждой группы также проявляются в зависимости от изменения целевой направленности заклинания (например, на любовь, от болезни или в быту). Общей языковой чертой для всех видов заклинаний является обязательное наличие образных средств и символов.

4. В преобладающем большинстве текстов языковая специфика обнаруживает синтез двух картин мира, сосуществующих в сознании народа.

5. Специфическую группу представляют собой заговоры, воздействие которых направлено на мифологических персонажей. Наличие данных текстов доказывает веру народа в существование фантастического, однако в современных сборниках именно такие заговоры отсутствуют в виде отдельных глав или даже текстов.

6. Синтаксически текст заговора разделяется на две части. Начальный и основной элемент формулы часто предстают в виде простых двусоставных и односоставных предложений, осложненных однородными членами или обособленными обстоятельствами, а также сложных предложений с разным составом частей, в основе которых обязательной составляющей является глагол в повелительном и сослагательном наклонении. Закрепе финальной части служат простые односоставные предложения с императивом-предикатом или сложные односоставные предложения с наличием в предикативной основе подлежащего. В некоторых текстах употребляются сложные двусоставные нераспространенные предложения.

7. Заговорный текст соотносится с вербальным кодом культуры, состоящем из множества частных кодов культуры. Акциональный и предметный коды дополняют вербальный и служат цели воздействия на действительность. Данные коды соотносятся с народными ассоциациями и поверьями.

Глава 3. Изучение заговора на уроках русского языка

3.1 Лексикографическое исследование как обязательный компонент занятия по русскому языку в средней школе

Конец XX-начало XXI вв. характеризуют науку с позиций антропоцентризма. Это обусловило подход к тексту не только как языковой единице, но и как компоненту, коду культуры. Благодаря лингвокультурологическому анализу текста учащиеся могут открывать новые лингвокультурные смыслы, обращаясь к собственно лингвистическим и экстралингвистическим факторам. Обладая навыком культурологического декодирования информации, можно «прочитать» имплицитные связи, заложенные глубоко внутри текста и являющиеся показателем той системы ценностей, которая формирует человека как личность, дает представления о родной культуре.

На сегодняшний день работа учащихся с текстом при обучении русскому языку в большей степени ориентирована на языковую и коммуникативную составляющие. Использование лингвокультурного компонента чаще осуществляется на уроках литературы. По нашему мнению, для формирования целостной личности, успешно развивающейся в ближайшем окружении, а также в пределах культуры своей и зарубежных стран, необходимо давать полное представление о мире, обращаясь к лингвокультурологии на уроках русского языка. Незнание истоков влечет за собой утрату самоидентификации человека, что пагубно сказывается на его отношении к миру. Мы думаем, что обращение к культурному коду возможно, прежде всего, при лексикографическом исследовании. Поисковая

работа способствует развитию критического мышления, познавательных навыков, умению самостоятельно структурировать информацию, умению заметить, обозначить и решить проблему.

В нормативных документах в качестве основного результата деятельности образовательного учреждения рассматривается не система знаний, умений и навыков, полученных учащимися в ходе обучения, а «набор ключевых компетентностей» в различных сферах деятельности, в том числе и интеллектуальной.

В «Образовательном стандарте основного общего образования по русскому языку» акцентируется внимание на необходимости формирования и развития у учащихся следующих предметных компетенций: *коммуникативной, языковой и лингвистической (языковедческой), культуроведческой.*

Словарная работа на уроках русского языка поможет детям самостоятельно заниматься поисковой деятельностью. Найденная информация лучше воспримется и запомнится учащимися, нежели учитель преподнесет им готовые знания. Со словарем дети впервые знакомятся в начальной школе и в дальнейшем обращаются к различным видам словарей на протяжении всего обучения, поскольку без понимания значения слов процесс восприятия знаний не возможен.

Таким образом, в результате активного использования фольклорного материала и работы со словарями на уроках русского языка повышаются воспитательные и познавательные возможности детей. Учащиеся приобретают навык говорения, умения четко формулировать свою мысль.

3.2 Лексикографическое исследование на уроках русского языка на основе текстов народных заговоров

Для проведения лексикографического исследования на уроке русского языка стоит обратиться к заговорным текстам, содержащим мифологемы. Миф – ранняя форма сознания народа, пытающегося понять устройство мира сквозь призму самого себя.

Самые распространенные мифологические существа, встречающиеся в текстах народных заговоров, - домовый, кикимора, огненный змей, оборотень и др. В сборнике Л.Н. Майкова «Великорусские заклинания» представлена отдельная глава с текстами, отражающими перечисленные образы – «Отношения к сверхъестественным существам».

В качестве лексикографического материала для работы учащихся с текстами стоит обратиться к нескольким словарям, а также наглядно-образным печатным изданиям. В их числе: «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (1880), «Словарь русского языка» С.И. Ожегова (1964); в качестве дополнительного подсобного материала – книги «Духи и существа потустороннего мира» (2014), «Славянские мифические существа» (2014), «Мифы и предания древних славян» (2014) В.В. Артемова.

Обращение к текстам с мифологемами даст возможность учителю вызвать интерес учащихся к родной культуре, наглядно продемонстрировать знания, уходящие в глубину истории. Однако, прежде всего, стоит объяснить ученикам понятие мифологемы.

Мифологема является лингвистической репрезентацией мифа. Термин используется для обозначения мифологических сюжетов, сцен, образов, характеризующихся универсальностью и имеющих распространение в культурах народов мира.

Первая мифологема, которую мы рассмотрим, используется в заговоре «К домовому»:

«Кланяюсь тебе, хозяин батюшко, и прошу тебя пожаловать к нам в новыя хоромы: там для тебя и местечко тепленькое, и угощеньице маленькое сделано» [Майков 1869: 160].

В заговоре идет речь о мифологическом персонаже – домовом. Наименование представлено как *хозяин батюшко*. Известно, что домовый у славян считался домашним духом, покровителем и хозяином дома, который следил за бытом и благополучием семьи. В словаре В.И. Даля рассматриваемая лексема не упоминается, однако словарь современного русского языка Ожегова отразил толковое значение: «это сказочное существо, обитающее в доме, злой или добрый дух дома» [Ожегов 1964: 135]. Персонаж имеет и другие названия: *дед, дедко, соседушко, домоседушко, запечник, батюшко, подпечник, доможил, хозяин*. Дополнительно можно представить лингвокультурный материал о том, как называют домового в других странах мира. Известно, что в зарубежной фольклорной традиции есть существо, подобное этому духу, но чаще всего представляется в виде домашнего карлика и имеет разные наименования, например, в Дании – *ниссе*, в Швеции – *томте*, в английской мифологии – *добби, брауни*, в Польше – *хованец*, в Белоруссии – *хатник, господар, дамавик*. Общей особенностью данного персонажа для многих стран является его происхождение, связанное с культом предков. Согласно древним поверьям, домовый – это дух умершего прародителя.

Лексема «кикимора» используется в заговоре «На выживание кикиморы»:

«Ах, ты гой еси, кикимора домовая, выходи из горюнина дома скорее, а не то задерут тебя калеными прутьями, сожгут огнем-польмем и черной смолой зальют» [Майков 1869: 161].

Кикимора – исключительно восточнославянский персонаж, считалась первой помощницей Макоши (богини Судьбы), проявление злого духа Мары – Кики Мара. Первая часть слова «кики» иногда сопоставляется с глаголом «кыкать», что значит кричать лебедем [Даль 1880: 349], или с существительным «кика», обозначающим головной убор с рогами [Даль 1880: 332]. Мара – это общеиндоевропейское имя ночного демона, насылающего наваждения и страшные сны (отсюда «кош-мар»). Другие названия: *шшимора, суседка*. Как уже говорилось, персонаж встречается только в восточнославянской культуре, поэтому аналогов в зарубежном фольклоре не имеет. Словарь В.И. Даля дает толкование лексемы *кикимора* – «об. род домового, который по ночам прядет, он днем сидит невидимкою за печью, а проказит по ночам, с веретеном, прялкою, воробами и вьюшкою» [Даль 1880: 349]. После прочтения лексического значения слова необходимо пояснить учащимся, что такое *веретено, воробы, вьюшка*. В словаре С.И. Ожегова находим:

Веретено – «приспособление для прядения (ручного или машинного) утолщённый стержень для навивания нити; вращающаяся ось в некоторых машинах» [Ожегов 1964: 112].

Толковое значение архаизмов *вороба* и *вьюшка* отсутствует в словаре современного русского языка, однако есть в словаре В.И. Даля:

«*Вороба* - ж. циркуль, разнёжка, кружало; снаряд у каменщиков, для очертания кругов, окружностей: доска, ходящая кругом на гвозде, шпеньке. || Снарядец для поверки правильности установки жерновов. Воробить, чертить окружность по воробу; Воробление ср. воробка ж. действ. по глаг. Вороб м. или воробы мн. воробьеср. тамб. воробка ж. вор. снаряд для размота пряжи: деревянный крест, с колочками на концах, обращающийся лежа на стойке, делают его и стойком, колесом. С веретена (початок, простень) пряжа мотается на мотовило, тальку (палку, с одного конца рожками, с др. костью): 20 перчетин, по 40 ниток, это талька, сороковушка (или: три

нити численица, которых 20 идет на пучок, а 4 пучка на пасму, пять пасм на тальку или пятину), эта пряжа распетливается на воробы и с них (у крестьян, а в домашн. заведениях помещиков и на фабриках, неск. иначе) мотается на вьюшку, тюрник, а с него - на шпульку, цевки, вкладываемый в челнок, для тканья. Глаза как на воробьях, так и ходят кругом. Подобный сему снаряд, для размота мотков на клубки, в домах, называют воробьями и мотовалкою» [Даль 1880: 258].

Лексема *вьюшка* отсутствует в словаре, для понимания слова обратимся к значению глагола *вьють* – «витья, ветья, извиваться; || пламенеть, взлизывать пламенем; || колыхаться, волноваться, извиристо колебаться. | Род бочки, барабана, снаряд для навоя ниток, веревок; два кружка, креста, связанные продольными грядками, с пропущенною вдоль осью; вьюшка, на которую крестьяне навивают пряжу с воробов, для образования мотка: гладко обделанный дуплячок или лукошко, со вставленными с обоих концов поперечными брусочками (чабурками), сквозь которые пропущена ось (кол), воткнутая одним концом в стойку (станье); вьюшку для навоя баба погоняет ладонью. || Вьюшка также моток ниток» [Даль 1880: 271].

Словарь С.И. Ожегова также включает слово «вьюшка», однако оно трактуется уже в единственном значении: как крышка, которая закрывает печную трубу для прекращения тяги.

Таким образом, на примерах двух заговорных текстов мы смогли продемонстрировать возможность использования данного жанра в обучении. Тексты обладают широким лингвокультурологическим пластом древней действительности. Словари помогают установить культурологические связи в пределах одного текста. Обращение к современным словарям, а также к словарю В.И. Даля является необходимым условием расшифровки и понимания значений.

Выводы по 3 главе:

1. Проведение лексикографических исследований на уроках русского языка в средней школе на основе фольклорных текстов – необходимый элемент обучения и воспитания школьников. Лексикографическая работа формирует компетенции, которые включены в образовательный стандарт. Благодаря поисковой работе, обращенной к фольклору, учащиеся развивают не только лингвистическое чутье, речь, патриотизм, но и приобретают умение ориентироваться в межкультурном пространстве.
2. Обращение к заговорам на уроках русского языка возможно с применением текстов, содержащих мифологемы, религиозную лексику, а также устаревшую лексику. Лексикографическое исследование нацелено на установление культурологических связей внутри одного текста и возможно при обращении к современным словарям русского языка, а также к словарю В.И. Даля.

Заключение

Народные заговоры – это та часть русского фольклора, которая сумела отразить и сохранить многовековую культуру национального сознания, обладающего верой в силу слова.

Безусловно, текст заговора в целом является зеркалом, воплощающим важнейшие культурологические установки древности, поэтому базовым элементом языка народного творчества является понятие культурного кода. В широком смысле культурный код охватывает все сферы человеческой жизни, в более конкретном значении культурным кодом можно считать язык фольклора, в еще более частном значении – язык народных заговоров. Наиболее удобной для исследования ритуала оказалась трёхчастная классификация кодов культуры, включающая вербальный, акциональный и предметный коды. Каждый из названных видов включает множество частных подвидов (например, в вербальном коде могут реализовываться медицинский, религиозный и т.д.).

Код культуры также проявляется в специфической устойчивой заговорной формуле, состоящей из трех элементов: вступления, основной части и финали. Кроме того, необходимыми составляющими магического текста становятся образные средства, характерные как для всего фольклора, так и для конкретных заговорных текстов. В заговоре запечатлены два крупнейших культурных слоя, взаимодействующих на уровне народного сознания, – мифологический и религиозный. Две картины мира, наслаиваясь, дополнили друг друга и создали свою неповторимую систему образности, являющуюся базовой составляющей русского национального сознания. Понятие культурного кода затрагивает также ритуал, который зачастую предполагает использование каких-либо предметов с выполнением действий, что служит цели воздействия.

Важной особенностью существования рассматриваемого жанра становится его высокий уровень прагматики, поскольку цель обращения к данным к текстам – в воздействии субъекта на объект (адресанта на адресата). Следует помнить, что в роли объекта могут быть люди, предметы, явления природы, животные, сверхъестественные существа.

Наличие лексики, номинирующей фантастических персонажей, вызывает особый интерес и глубже знакомит нас с верованиями славян. В связи с этим нам показалось интересным предложить лексикографическую работу на уроках русского языка в школе по некоторым заговорным текстам, что могло бы познакомить учеников со своей национальной культурой. Благодаря поисковой работе формируются навыки лингвистического чутья, речи, а также умение ориентироваться в межкультурном пространстве.

Синтаксически текст заклинания делится на две части. Зачин и основное действие оформляются в виде простых двусоставных и односоставных предложений, осложненных однородными членами или обособленными обстоятельствами, а также сложных предложений с разным составом частей. В их основе обязательно наличие глагола в повелительном и сослагательном наклонении. Для финали используются простые односоставные предложения с наличием в предикативной основе подлежащего. В некоторых текстах встречаются сложные двусоставные нераспространенные предложения.

Тематически тексты условно разделяются на три группы: любовные, лечебные и применяемые в быту. В зависимости от цели заговора возникает соответствующее наименование (например, «Заговор от порчи») и в языке возникают специфические лексемы (например, «Заговор от рожи» будет носить характер лечения болезни).

Таким образом, общими чертами для всех типов заговоров является наличие строгой формулы в композиционном и синтаксическом плане, наличие специфических образных средств и тропов, а также лексем, которые

номинаруют мифологические и религиозные элементы. Кроме того, в акциональном и предметом кодах культуры воплощаются ритуальные черты, носящие похожий характер. Все названные особенности текста служат единственной цели – воздействию на окружающий мир в соответствии со своими желаниями. В этом заключается прагматика всех заклинаний.

Какими бы значительными ни были шаги человечества в науке, вера в волшебство, магию и фантастику продолжает развиваться в сознании русского человека.

Литература

1. Азадовский М.К. История русской фольклористики. т. II / М.К. Азадовский. – М.: Гос. уч.-пед. из-во мин-ва Просвещения РСФСР. – 364 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта, 2010. – 288 с.
3. Алефиренко Н.Ф. Общее языкознание. История и теория языка: Интегрированный курс / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2013. – 310 с.
4. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Academia, 2002. – 394 с.
5. Алефиренко Н.Ф. Теория языка. Вводный курс: Учебное пособие для студентов филол. спец. высших учебных заведений / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 368 с.
6. Андреев Н.П. Русский фольклор. Хрестоматия / Н.П. Андреев. – М.: Учпедгиз, 1938. – С.47.
7. Аникин В.П. Русский фольклор / В.П. Аникин. – М.: Высшая школа, 1987. – 286 с.
8. Артемов В.В. Духи и существа потустороннего мира / В.В. Артемов. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. – 64 с.
9. Артемов В.В. Мифы и предания древних славян / В.В. Артемов. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. – 64 с.
10. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
11. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. / А.Н. Афанасьев. – М.: Индрик, 1994. – 801 с.
12. Бахмутова Е.А. Культура речи / Е.А. Бахмутова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та. – 118 с.

13. Бахмутова И.Б. Выразительные средства русского языка / И.Б. Бахмутова. – Казань: Ун-т, 1967. – 163с.
14. Бахтин М.М. проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 237-280.
15. Белинский В.Г. Статьи о народной поэзии / В.Г. Белинский // Русское народное поэтическое творчество. Хрестоматия по фольклористике. – М.: Высшая школа, 1986. – С. 12-18.
16. Блок А.А. Поэзия заговоров и заклинаний / А.А. Блок // Русское народное поэтическое творчество. Хрестоматия по фольклористике. – М.: Высшая школа, 1986. – С. 147-152.
17. Буслаев Ф.И. Общие понятия о свойствах эпической поэзии / Ф.И. Буслаев // Русское народное поэтическое творчество. Хрестоматия по фольклористике. – М.: Высшая школа, 1986. – С. 40-50.
18. Веселовский А.Н. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля / А.Н. Веселовский // Русское народное поэтическое творчество. Хрестоматия по фольклористике. – М.: Высшая школа, 1986. – С. 364-375.
19. Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. III-У / А.Н. Веселовский. – Спб.: Типография Имп. Ак. Наук, 1881. – 280 с.
20. Голуб И.Б. Русский язык и культура речи / И.Б. Голуб. – М.: Логос, 2003. – 432 с.
21. Ветухов А.В. Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова // А.В. Ветухов. – Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1907. – 530 с.
22. Гультаева Н.В. Язык русского заговора: Лексика: Автореф. ... канд. фил. наук / Н.В. Гультаева. – Екатеринбург, – 2000. – 20 с.
23. Гучинская Н.О. Семантическое преобразование языковых единиц в художественном тексте (Проблема языковых и поэтических тропов) /

- Н.О. Гучинская // Семантика и прагматика единиц языка в тексте. – Л.: ЛГПИ, 1988. – С. 3-10.
24. Добролюбов Н.А. Замечания о слоге и мерности народного языка / Н.А. Добролюбов // Хрестоматия по истории русской фольклористики. – М.: Высшая школа, 1973. – С. 135-140.
25. Елеонская Е.Н. Сказка, заговор и колдовство в России: сб. трудов / Е.Н. Елеонская. – М.: Индрик, 1994. – 272 с.
26. Забылин М. Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / М. Забылин. – М.: Ин-т рус. цив-ии, 2014. – 682 с.
27. Заговорный текст. Генезис и структура: сб. научных статей / Под ред. Л.Г. Невской и Т.Н. Свешниковой. – М.: Индрик, 2005. – 520 с.
28. Зуева Т.В., Кирдан Б. П. Русский фольклор. Учебник для высших учебных заведений / Т.В. Зуева, Б.П. Кирдан. – М.: Наука, 1998. – 400 с.
29. Ковалев В.П. Выразительные средства художественной речи / В.П. Ковалев. – Киев: Рад. шк., 1985. – С. 102.
30. Колпакова Н.П. Песни заклинательные / Н.П. Колпакова // Русское народное поэтическое творчество. Хрестоматия по фольклористике. – М.: Высшая школа, 1986. – С. 160-169.
31. Кошарная С. А. Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира / С.А. Кошарная. – Белгород: Издательство БелГУ, 2002. – 288 с.
32. Кравцов Н.И., Лазутин С.Г. Русское устное народное творчество / Н.И. Кравцов, С.Г. Лазутин. – М.: Высшая школа, 1977. – С.68.
33. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
34. Крушевский Н.В. Заговоры, как вид русской народной поэзии / Н.В. Крушевский // Крушевский Н.В. Избранные статьи и работы по языкознанию. – М.: Наследие, 1998. – С. 25-47.

35. Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора: Учебное пособие / С.Г. Лазутин. – М.: Высшая школа, 1989. – 208 с.
36. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: УРСС Эдиториал, 2004. – 256 с.
37. Мартынова А.Н. Колыбельная песня и заговор / А.Н. Мартынова // Проблемы изучения русского устного народного творчества. – М.: Наука, 1975. – 315 с.
38. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию: Учебное пособие / В.А. Маслова. – М.: Наследие, 1997. – 208 с.
39. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие / В.А. Маслова. – М.: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
40. Моспанова Н.Ю. Особенности функционирования эпитетов в русской волшебной сказке / Н.Ю. Моспанова // Вестник Брянского государственного университета. – Брянск: Изд-во БГУ, 2014. – С. 270-274.
41. Некрасова Е.А. Метонимический перенос в связи с некоторыми проблемами лингвистической поэтики // Слово в русской советской поэзии. – М.: Наука, 1975. – С.111-131.
42. Полозова И.В. Глубинные основания метафоры / И.В. Полозова // Вестник Мос. Ун-та. – М.: 2004. – С. 24-30.
43. Познанский Н.Ф. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул / Н.Ф. Познанский. – М.: Индрик, 1995. – 352 с.
44. Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре / Э.В. Померанцева. – М.: Наука, 1975. – 194 с.
45. Померанцева Э.В. Соотношение эстетической и информативной функций в разных жанрах устной прозы / Э.В. Померанцева // Проблемы фольклора. – М.: Наука, 1975. – С. 75-81.
46. Попов Г.И. Русская народно-бытовая медицина / Г.И Попов. – Спб.: типография А.С. Суворина, 1903. – 404 с.

47. Потебня А.А. Малорусская народная песня / А.А. Потебня. – Воронеж: в типографии В.И. Исаева, 1877. – 54 с.
48. Потебня А.А. Слово и миф / А.А. Потебня. – М.: Правда, 1989. – 624 с.
49. Потебня А.А. Эстетика и поэтика / А.А. Потебня. – М.: Искусство, 1976. – С. 111.
50. Рыбаков Б.А. Языческое мировоззрение русского средневековья / Б.А. Рыбаков // Вопросы истории. – М., 1974. – С. 3-30.
51. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. – 368 с.
52. Соболевский А.И. Камень-Латырь / А.И. Соболевский // ЭО. – М.: Университетская типография, 1891. – С. 254-255.
53. Телия В.Н. Метафора в языке и тексте / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1988. – 176 с.
54. Токарев Г.В. Теоретические проблемы вербализации концепта «Труд» в русском языке: Автореф. ... док. фил. наук / Г.В. Токарев. – Волгоград, - 2003. – 48 с.
55. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического / В.Н. Топоров. – М.: Прогресс, 1995. – 624 с.
56. Топорова Т.В. Язык и стиль древнегерманских заговоров / Т.В. Топорова. – М.: Эдиториал УРСС, 1996. – 216 с.
57. Халимулина Р.С. Мифологическая картина мира (гносеологический аспект): Дисс. ... канд. фил. наук: 09.00.01 / Р.С. Халимулина. – М., - 2008. – 125 с.
58. Черкашина Е.В., Чумак-Жунь И.И. Ранний Гоголь: диалог двух культур. – Изд-во: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. – С. 79.
59. Чичеров В.И. Русское народное творчество / В.И. Чичеров. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1959. – 525 с.
60. Шестеркина Н.В. Соотношение народной молитвы и заговора / Н.В. Шестеркина // Вестник МГЛУ. – 2014. - №18. – С. 96-108.

61. Шибанова М.П. О функциях повторяемости в поэтическом языке фольклора (в отличие от языка художественной литературы) / М.П. Шибанова // Народная культура и проблемы ее изучения: сб. статей. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002. – С. 3-9.
62. Юдин А.В. Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре / А.В. Юдин. – М.: МОНФ, 1997. – 319 с.

Источники

1. Агапкина Т.А., Левкиевская Е.Е., Топорков А.Л. Полесские заговоры (в записях 1970-1990 гг.) / Т.А. Агапкина, Е.Е. Левкиевская, А.Л. Топорков. – М.: Индрик, 2003. – 752 с.
2. Власова М. Энциклопедия русских суеверий / М. Власова. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 521 с.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4т. / В. Даль. – СПб.: Изд-во книгопродавца – типографа М.О. Вольфа, 1880-1882. – 2716 с.
4. «...Да на нашей сторонуще приволья довольно...». Традиционная культура Яковлевского района: сб. статей и фольклорных материалов / Под ред. И.И. Веретенникова, Н.В. Солодовниковой. – Белгород: издание БГЦНТ, 2004. – С. 57-62.
5. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685с.
6. Майков Л.Н. Великорусские заклинания / Л.Н. Майков. – СПб.: типография Майкова, 1869. – 164 с.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – 900 с.
8. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Тенкова. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.

9. Русские заговоры и заклинания: м-лы фольк-х эксп. МГУ 1953-1993 гг. / Под ред. В.П. Аникина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 480 с.
10. Сахаров И.П. Сказания русского народа // Сказания о чудесничестве// И.П. Сахаров. – Спб.: Издание А.С. Суворина, 1885. – С. 96-125.
11. Славянская мифология: энциклопедический словарь / Под ред. В.Я. Петрухина, Т.А. Агапкиной, Л.Н. Виноградовой, С.М. Толстой. – М.: Эллис Лак, 1995. – 416 с.
12. Словарь литературоведческих терминов / Под ред. С.П. Белокуровой. – Спб.: Паритет, 2012. 320 с.
13. Словарь литературоведческих терминов / Под ред. Тимофеева Л.И., Тураева С.В. – М.: Просвещение, 1974. 509 с.
14. Советская историческая энциклопедия (СИЭ) / Под ред. Е.М. Жукова. – М.: Советская энциклопедия, 1974. – 510 с.
15. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – М.: Аделант, 2013. – 486 с.